

II — начало I века до нашей эры), к которому впоследствии возводили свою родословную многие знатные норвежцы.

Упадок и крах «державы Инглингов», одновременное исчезновение со страниц письменных источников упоминаний о конунгах данов и гаутов, несомненно, явились отражением общественного кризиса общескандинавского масштаба, разразившегося в конце VI — начале VII века. Однако это не означало ни возврата к прошлому, ни наступления эпохи застоя. Напротив, период VII—VIII веков, получивший в Швеции название «вендельского», в Норвегии — «меровингского», в Дании — «германского», оказался временем бурного экономического, технического, культурного и общественного развития. Широко распространяются железные сельскохозяйственные орудия, раздвигается освоение новых земель, переживает расцвет ремесленное производство. Появляются первые поселения отчетливо неаграрного характера — торгово-ремесленные центры, входящие в систему международных торговых связей. Скандинавские мореходы начинают применять на судах парусную оснастку. Возрастает плотность населения. В этот период происходит обособление норманских диалектов от древнегерманской языковой общности, сопровождающееся постепенной трансформацией общегерманского рунического алфавита в его скандинавский вариант. Именно в этой обстановке выкристаллизовывается тот исторический феномен, который принято называть «движением викингов».

Происхождение термина «викинг», вероятнее всего связано с глаголом «vikja» (викья), что означало «сворачивать», «отклоняться». Следовательно, имелся в виду человек, оставивший свой дом, общину, родину. Следует отметить, что понятие «викинг» чаще обозначало само предприятие (for i viking — отправляться в викинг), нежели его участников.

Впервые термином «викингский» («Сага об Инглингах») определяет один из походов уписальского конунга Ингви в первой половине V века. Честь именоваться первым «морским конунгом» — прозвищем, обычным для предводителей скандинавских пиратов — принадлежит некому Мюсингу, жившему, по сообщению «Младшей Эдды», в начале I века нашей эры. Однако, организуемые время от времени отдельными воинственными северными конунгами эпохи Инглингов и последующих двух столетий, грабительские набеги в сущности оставались не более чем предприятиями частного порядка, которые разве что по своим целям (но никак не по